

**Из истории старообрядчества
в г. Ростове Великом.
Часть 1. Был ли в Ростове кружок старолюбцев?
О ростовских исповедниках
Силе, Алексии и Феодоре**

И.В. Сагнак

Всюду во многословущей России епархия всякая изобильствова мятежами, град всякий смущения наполнися, обитель всякая, село и место всякое возкипе многомятежными волнами. Истее же рещи, сердце всякое, душа всякая печали несносныя, смущения нестерпимаго наполнени быша: ...новых бо книг прияти всюду не хотяху, старопечатных же держати запрещахуся.

«Виноград Российский», Л. 12¹.

Начальным эпизодом из жизни ростовского старообрядчества, доступным современному исследователю, вероятно, являются хорошо известные в научной литературе события первой половины 1657 г., отразившиеся в официальном следственном «Деле о ростовских раскольниках Силке Богданове с учениками», частично и с рядом неточностей опубликованном в 1882 г. Е.В. Барсовым² и изданном полностью с комментариями в 1990 г. В.С. Румянцевой³.

Публикация Е.В. Барсова послужила основанием для утверждения С.А. Зеньковского о связи подследственных ростовцев с крупным деятелем «боголюбческого движения» середины XVII в. протопопом Иваном Нероновым: «Срок, указанный Кирилловой Книгой как срок отпадения, злоещий 1666 год приближался. Слухи о том, что Никон является орудием ожидаемого антихриста, распространялись все шире и шире. В Ростове группа мещан — сторонников Неронова, которым, видимо, тайно симпатизировали и местные священники, начала распространять пропаганду против патриарха и его затей. Они говорили, что собор в руках еретиков, что митрополит и его «отец» патриарх прокляты. После их ареста обнаружилось, что эти мещане были в постоянной связи с Нероновым»⁴.

Между тем, документы следствия имени Неронова не содержат. Современная исследовательница, комментируя тексты допросных речей

ростовцев, лишь замечает: «Сила Богданов на допросах говорил просто-народным и книжным языком одновременно. Его речь отражает связь с начитанными старолюбцами»⁵. Как видим, само имя Ивана Неронова и здесь не озвучено. Несколько лет назад в разговоре с автором этих строк В.С. Румянцева высказала полную уверенность в существовании тесных личных взаимоотношений ростовских подвижников с протопопом Иваном Нероновым, ссылаясь на интуицию исследователя, всецело погруженного в события и документы эпохи. Вероятно, этой же интуицией объясняется и аналогичное утверждение С.А. Зеньковского.

Однако, в брошюре 1909 г., составленной ярославским миссионером В. Дмитриевским, в повествовании о жизни и деятельности Ивана Неронова автор, скорее всего, не знакомый с публикацией Е.В. Барсова, делает весьма любопытное для нас замечание. Описывая известный эпизод бегства Неронова из ссылки из отдаленного Кандалакшского монастыря в августе 1654 г. «вместе с тремя работниками и духовными детьми Силой, Алексеем и Василием», В. Дмитриевский делает сноску-примечание о Силе, Алексее и Феодоре — ростовцах, героях 70 главы «Винограда Российского» (по изложению последнего А. Бровковичем), ставя таким образом в прямую связь Неронова и наших ростовских героев⁶. Однако очевидно, что простого совпадения двух из трех имен (что, похоже, и было основанием для В. Дмитриевского) явно недостаточно для утверждения тождества стоящих за ними лиц.

Странным образом и Е.В. Барсов, и В.С. Румянцева, сделавшие много ценных наблюдений при анализе следственного дела, обошлись без привлечения к его осмыслению упомянутой выше главы «Винограда Российского» — монументального старообрядческого мартиролога, составленного в первой трети XVIII в. выговским деятелем С. Денисовым по материалам устных и письменных старообрядческих источников⁷. Современная исследовательница старообрядчества Е.М. Юхименко в особом разделе своей фундаментальной монографии, посвященном проблеме достоверности старообрядческих исторических сочинений, и в том числе — «Винограда Российского», на основе сравнительного анализа сохранившихся документов официального делопроизводства и повествований выговских историков приходит к убедительному выводу об историографической доброкачественности старообрядческих историков и агиографов⁸. Это заключение оказывается справедливым и в нашем случае: как мы в том убедимся, сопоставление данных судного дела с известиями «Винограда Российского» оказывается весьма продуктивным. Комплексное рассмотрение всех доступных нам документальных и повествовательных источников позволяет выявить их исключительную взаимодополняемость и яснее представить ход и существо реальных событий.

Но вначале сделаем одно уточнение, попытавшись отыскать наших героев — «ростовцев посацких людей Силку, прозвище Богдашка, портного мастера» и «товарищей его Федку Голицина, Алешку Шалдова»⁹ в

современных им писцовых материалах по Ростову. В опубликованных А.А. Титовым «Книгах ростовских окладных новопрписным тяглицом» от 7160 (1652) г. по приписке 157 (1649) г. значится: «В слоботках ростовского митрополита Варлаама... во дворе Богдашко Тимофеев сын портной мастер, окладчики про него сказали государево тягло платить ему с полупирога по 4 алтына по полуденге»¹⁰. Есть немалые основания полагать, что обнаруженный нами «Богдашко Тимофеев» и «Силка прозвище Богдашко» – одно лицо, тем более что закрепившееся в научной литературе именование его «Богдановым» есть лишь результат недоразумения, обязанного своим возникновением тому обстоятельству, что «Богдановым» наш герой назван в заголовке следственного дела, сделанном на его обложке уже в XIX в. (литерный лист II «дела»)¹¹.

На страницах этого же издания А.А. Титова обнаруживаем и двух других наших героев – «Федку Логинова сына Голицина да Олешку Постникова сына Шалдова» (Л. 5): «Лавка ростовцев посадских людей Алексея да Федора, да Родиона Шалдовых, да Лукьяна Голицина, владеют по купчей со 157 году, а купчая писана на имя Постника Шалдова...»¹². Именование Федора здесь Голицинным объясняется, вероятно, тем, что согласно «делу» они с Алексеем – двоюродные братья (Л. 21).

Попытаемся теперь подкрепить предъявленный уже тезис о фактической близости ростовских ревнителей старины с о. Иоанном Нероновым. Прежде всего конкретизируем процитированное замечание В.С. Румянцевой. В самом деле, многие высказывания Силки-Богдашки, как они предстают нам по их передаче в делопроизводственных бумагах, весьма близки выражениям и оборотам, употреблявшимся Иоанном Нероновым в предшествующее ростовским событиям время: достаточно сравнить тексты расспросных речей Силы с изложением речей Неронова перед народом в Вологодском Софийском соборе¹³ или с текстом его «Послания ко всей братии» от 13 июля 1654 г.¹⁴ Но есть и более значимое, хотя тоже косвенное свидетельство искомой нами связи. По нашему убеждению, фигура Неронова неявно присутствует в существенных обстоятельствах судного дела: существует своеобразная «апофатика» этого следственного дела, заключающаяся в том, что если Неронов действительно и был тесно связан с подследственными ростовцами, то имя его не могло фигурировать в следствии над ними. Исследователи уже обращали внимание на один неясный момент в ходе ведения следствия: взятые к допросу в Ростове 3 января 1657 г. по распоряжению митрополита Ионы и препорученные им в распоряжение патриарха Никона (по отписке митрополита Ионы из Ростова в Москву от 13 января), уже 3 февраля подследственные оказались в Москве, где расследованием занялись руководители Посольского приказа кн. А.Н. Трубецкой и дьяк Алмаз Иванов. «Вопрос о том, почему следствие над ростовцами проходило в Посольском приказе, а не на Патриаршем дворе, куда собственно поступил донос, требует специального исследования», – пишет В.С. Румянцева¹⁵. Дело

существенно проясняется, если сопоставить хронологию этих событий с хроникой жизни Ивана Неронова¹⁶. Находящийся в розыске от церковных властей еще с момента своего бегства из Кандалакшского монастыря 10 августа 1654 г., приняв постриг 25 декабря 1655 г., Неронов был отлучен и персонально предан проклятию 18 мая 1656 г.: «Иван Неронов иже ныне в чернецах Григорей, и с своими единомысленники, (курсив наш – И.С.) иже не покаяющиеся святому собору от святых единосущных Троицы и от святых восточных церкве да будут прокляты»¹⁷.

Глубокой осенью 1656 г. умирает весьма авторитетный в глазах Неронова деятель – царский духовник Стефан Вонифантьев (в иночестве Савватий), неуклонно настаивавший на примирении Неронова с царем и патриархом¹⁸. А 4 января 1657 г. старец Григорий Неронов неожиданно является в Москве перед патриархом Никоном, делая первый шаг к примирению. 14 января 1657 г. произошла совместная встреча царя (за два дня до того вернувшегося в Москву из Шведского похода), патриарха и Неронова. Примирение состоялось. Через несколько дней Никон «разрешает» Неронова от клятв.

Именно в эти дни патриарх получает от митрополита Ионы известие о ростовских «смутьянах». И Никон, и, в особенности, царь придавали большое значение вдруг обнаружившейся примирительной позиции Неронова, бывшего в значительной мере знаковой, символической фигурой в контексте событий церковного нестроения. Царю важно было не столкнуть Неронова с этой позиции, не нарушить неустойчивого равновесия. Логично предположить, что именно в этой связи патриарх. Никон, давно враждовавший с Нероновым, и передал решение дела ростовских «учеников» Неронова на усмотрение царя¹⁹, а царь поручил его ведению особо доверенных своих чиновников.

Пристальный взгляд на «дело» под этим углом зрения многое проясняет и в его частностях. Так, например, не «единомысленничеством» ли с Нероновым (см. приведенную выше формулировку «проклятия на Неронова») объясняются страстные речи Силы: «...и благословения вашего не принимаю, и проклятия не боюсь (курсив наш – И.С.), и учения не слушаю...» (Л. 7). Если принять теперь как предположение, не разделяя его уверенности, мнение В. Дмитриевского о том, что «работники и дети духовные» о. Иоанна Неронова Алексей и Сила, участвовавшие в его побеге из Кандалакшского монастыря²⁰ и «гостившие» вслед за тем с ним вместе в Соловецком монастыре²¹ и есть наши ростовские герои, то удачно объясняется приговор, вынесенный им в августе 1657 г.: отданы они были в руки тем самым монастырским властям, с которых ранее было строго взыскано патриархом за допущение бегства 1654 г. Именно пребывание в Соловецком монастыре может сполна объяснить загадочные речи Силки-Богдашки о «плутнях» церковных властей с мощами митрополита Филиппа²². Становится много яснее и характер взаимоотношений ростовцев с мятежным московским протопопом.

Значительно более уверенные, и притом исключительной важности наблюдения можно сделать, если сопоставить некоторые «темные» эпизоды «дела» с сообщениями «Винограда Российского». В материалах «дела» есть совершенно непонятные из его контекста признания Силы и Федора, что «сложение перстом держать... их учили наперед сего Варлам митрополит да отец духовный» (Л. 15 – Сила, Л. 21 – Феодор). Здесь явно не идет речь о том, что митрополит Варлаам «научал» кого-то двуперстию: эту «науку» каждый из современников тех событий проходил сызмала у своих отца и матери. И вот как объясняет нам это обстоятельство «Виноград Российский»: «Сии дивнии страдальци града Ростова жители бяху и великаго и духопросвященнаго архиеререя ученици и послушателие. Егда убо преосвященный Варлаам на своем престоле во граде Ростове преподобно седяше, миру в России глубоко сущу, при Иосифе патриарсе времени текущу. Тогда духопросвященный Варлаам, чистыма и духозрительныма очима предвидев хотящий быти мятеж и смущение церковное в России, предутверждаше стадо свое, часто в поучениях и беседах наказуя, учаше люди, еже крепко содержати церковныя законы и предания <...> яко приближися оное время, предзнаменанное от святых, и скоро пременение благочестия привнидет»²³.

В преданиях русского старообрядчества особое место занимают фигуры древлеправославных подвижников и, в особенности, святителей, предостерегавших церковный народ от соблазнов, сопряженных с именем патриарха Никона, и благословлявших его на стойкость в делах веры (преподобный Елеазар Анзерский, митрополиты Афоний Новгородский и Варлаам Ростовский, епископ Павел Коломенский, предания о Куржецком соборе). Приведенное выше сообщение «Винограда», столь же неожиданно, сколь и удачно подтверждаемое фрагментами «дела», можно воспринимать теперь как бережно сохраненное старообрядческим преданием достоверное историческое известие. В свете этого обстоятельства становится несомненным фактом наличие в Ростове в начале 1650-х гг. особого круга «учеников и послушателей» митрополита Варлаама – ревнителей-старолюбцев, вдохновляемых не столько пафосом традиционалистского благоустроительного реформизма, подобно московскому «кружку боголюбцев», сколько строго охранительным настроением, окрашенным в эсхатологические тона²⁴. Таким образом понятное, это сообщение «Винограда» позволяет по-новому взглянуть на обстоятельства появления и на содержание «Окружного послания» митрополита Ионы, опубликованного им, вероятно, при вступлении в должность 15 августа 1652 г. Это был акт верноподданничества патриарху. Никону и своеобразная «превентивная мера» в духе назначенных уже ко внедрению в жизнь переделок устава и чина церковной жизни²⁵. Несомненно, касается это наблюдение и характера отношения митрополита Ионы к памяти своего предшественника на Ростовской кафедре²⁶.

С именем митрополита Варлаама связан еще один фрагмент «дела», не оцененный и не понятый исследователями: «Да как везли Филиппа митрополита, и в то время Варлаама митрополита не допустил Бог души его, взял себе, что у вас ту пору были плутни около Филиппа митрополита, потому Бог душу ево и взял от вас плутников»²⁷. Здесь перед нами живой отголосок недавних событий, становящийся уже старообрядческим преданием: «...и духопросвещенный Варлаам митрополит Ростовский, иже пред некими Никонова властительства леты своя люди учением утверждая, поведаша со слезами настатие мятежев, ушербление благочестия, которое проречение многочудесным утверди преставлением. Егда бо Никону с мощми святого Филиппа митрополита, ихже ради на Соловки от самодержца послася, приближающася к царствующему граду Москве, изыде царь на сретение с народы, и оный всепредивный архиерей Варлаам, иже моляся Господеву, якоже достовернии и ближнии неложно поведаша (предвозвещая таким образом о Никоне. — И.С.): «Владыко Всесвятый и Боже всех, не даждь ми видети сего многомятежника и смутителя всероссийскаго, хотящего новинами поколебати Твою Всесвятую Церковь. Но сотвори со мною знамение во благо! <...> Что предивное отсюда творится, что всеславное содевается чудо! Водиму чудному сему архиерею двема архидиаконома на сретение мощей, и мало Никону не дошедшу, елико в видении друг другу бывшим, блаженному прилежно молящуся архиерею, подломишася того нозе, и на руках поддерживающих свою душу Господеву предаде. Тело же онаго предивнаго архиерея полгодишнаго обношения время на Москве лежаше, цело и нетленно весма, в Ростов отвезеся»²⁸...

Итак, при всей отдаленности эпохи, немногочисленности, отрывочности и смутности исторических свидетельств, нам все-таки удалось обнаружить самую «завязь» ростовского старообрядчества: святительское благословение и живой пример первых исповедников и мучеников, несомненно, были опорой для стояния в древлеотеческой вере многих поколений ростовцев второй половины XVII – первой половины XX вв. В составе живого изустного предания и богатейшей старообрядческой письменности²⁹, начиная с первой трети XVIII в. была такой опорой и цитированная нами глава «Винограда Российского», повествующая и о дальнейшей судьбе наших героев: 40-летнем трудничестве в приполярном монастыре, за время которого они сделались известными во всем Поморье проповедниками древнего благочестия, чем обратили на себя внимание «кроворадостного епарха»³⁰ – яркого гонителя старообрядцев, любимца Петра I, архиепископа Холмогорского Афанасия (Любимова). Взятые в Холмогоры к допросам и пыткам, они исповеднически скончались в одно из последних лет XVII столетия.

**

¹ Здесь и далее ссылки на это сочинение первой трети XVIII в. даются по единственному до сей поры изданию: Виноград Российский или Описание постра-

- давших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким). М., 1906.
- ² ЧОИДР, 1882, кн. III, отд. III, С. 3-13. Стереотипно переиздано в отдельном издании: Барсов Е.В. Новые материалы для истории старообрядчества XVII-XVIII вв. М., 1890. С. 4-12. Следственное дело – РГАДА. Ф. 163, Д. 3, Л. 1-51; I-II – литературные.
  - ³ Документы Разрядного, Посольского и Тайного Приказов о раскольниках в городах России. 1654-1684 гг. / Сост., введ. и комм. В.С. Румянцевой. М., 1990. С. 11-14 – обзор «дела» во введении; С. 29-59 – публикация текстов «дела»; С. 106-116 – комментарии. К материалам «дела» В.С. Румянцева неоднократно обращалась в предшествующей монографии: Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986. С. 23, 133-136, 206, 210, 223, 224, 243.
  - ⁴ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 239.
  - ⁵ Документы Разрядного... С. 108. Ср. утверждение того же автора: «Воззрения Силы Богданова, расколуучителя из Ростова, близки учению Аввакума по социально-этической интерпретации православия, объяснению причин введения Никоновых реформ, представлению о социальной картине общества и в других пунктах. Примечательно, что свое учение Сила распространял на посаде Ростова за несколько лет до выступления Аввакума в Москве». См.: Румянцев В.С. Народные антицерковные... С. 136.
  - ⁶ Дмитревский В. Раскол – старообрядчества в Ростово-Ярославском крае перед временем Святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Яр., 1909. С. 25-26.
  - ⁷ Отсылка В.С. Румянцевой, вслед за П.С. Смирновым, к другому выговскому сочинению – «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова мало что дает для уяснения «дела». См. «Документы Разрядного...» С. 13, прим. 8.
  - ⁸ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002. С. 192-226.
  - ⁹ «Дело» Л. 51. Цитируя в дальнейшем следственное дело и делая на него ссылки, мы будем лишь указывать в тексте номера соотв. листов документа.
  - ¹⁰ Дозорные и переписные книги древняго города Ростова. Изд. А. Титов. М., 1880. С. 8, 10.
  - ¹¹ См. также: Документы... С. 12.
  - ¹² Дозорные... С.48-49.
  - ¹³ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. Ч. 1. М., 1874. (Подготовил и издал Н.И. Субботин), С. 106-107.
  - ¹⁴ Там же, С. 119-123.
  - ¹⁵ Документы... С. 107. Здесь же, на С. 12. В.С. Румянцева приводит иное мнение об этом Е.В. Барсова.
  - ¹⁶ Которая легко составляется по документам, опубликованным Н.И. Субботиним.
  - ¹⁷ Материалы... С. 131. Текст этого проклятия содержится также в изданной патриархом Никоном «Скрижали».
  - ¹⁸ Из знакомства с материалами о жизни Неронова за этот период складывается впечатление, что требование примирения с царем и патриархом было «последней волей» Стефана Вонифатьева, преступить которую Неронов не решился.
  - ¹⁹ См. выразительное описание ситуации начала 1657 г. у А.В. Карташова в «Очерках по истории Русской Церкви». Т. II. С. 144-145.
  - ²⁰ Выразительные описания этого побега см. : Материалы... С. 137-139; С. 283-284.
  - ²¹ Материалы... С.139-141.
  - ²² См. ниже по тексту и прим.
  - ²³ Виноград Российский. Л. 113 об.

- ²⁴ Только на основе такого умонастроения и могла сложиться временная близость наших героев с протопопом Иваном Нероновым в сер. 1650-х гг.
- ²⁵ Публикацию текста Окружного послания митрополита Ионы см.: АИ, СПб., 1842. Т. 4. № 62. С. 172-177.
- ²⁶ Как это отразилось в «речах» Силы: «Новаго вы отца возлюбили, а старого не слушаетесь». См. нашу версию о характере связи между двумя ростовскими иерархами: Сагнак И.В. Два предания о происхождении митрополита Ионы (Сысоевича) // ИКРЗ-2001. Ростов, 2002. С. 104-120.
- ²⁷ Так, например, В.С. Румянцева, комментируя это место документа, полагает, что речь здесь идет о «душе» митрополита Филиппа (а не митрополита Варлаама, преставившегося при встрече мошей в Москве). См. Документы... С. 109.
- ²⁸ Виноград Российский. Л. 5 об.-6.
- ²⁹ Считаю уместным упомянуть здесь, что богатая рукописная традиция «Винограда Российского» (см. Е.М. Юхименко Виноград Российский Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Сборник научных трудов. Л., 1984) в части занимающей нас здесь главы 70, характеризуется одним удивительным и остающимся загадочным для нас обстоятельством: значительное число списков сочинения (2-й вид 1-й редакции по Классификации Е.М. Юхименко, «федосеевские переделки») повествуют лишь о двух наших героях – Алексее и Феодоре, полностью опуская имя старца Силы. См. например, рукопись ЯМЗ. Р-611. Л. 110 и след.: БАН. Собрание Дружинина № 33 (53) Л. 182-185 об; БАН. Текущие поступления № 398, Л. 108-111 об и др.
- ³⁰ Виноград Российский. Л. 115.